

Стол уже давным-давно был аккуратно прибран слугами, на него поставили новый чайник. Сяо Мань налила Фу Цици чашку чая и протянула ей.

— Принцесса, не печальтесь. Всё это к вам не имеет никакого отношения, вы ничего не сделали. Его Высочество Наследный принц сердится вовсе не на вас, а этот Ли Хань — человек незначительный, Наследному принцу он не нравится, так что принцесса больше не упоминайте о нём.

Сказав это, Сяо Мань тут же немного пожалела о своих словах. У принцессы сейчас стерлись воспоминания за последний год, и если она вдруг что-то уловит в её словах, разве это не расстроит её ещё больше?

Слушая уверенный тон Сяо Мань и слова о том, что она ничего не делала, Фу Цици поняла, что Сяо Мань наверняка что-то знает.

С её внезапными и столь масштабными переменчивыми поступками Сяо Мань просто не могла ничего не заметить.

В глазах Фу Цици мелькнул холодок, но на лице осталось прежнее мягкое и обессиленное выражение. Она приникла к столу и пробормотала:

— Сяо Мань, у меня немного болит голова. Мне всё время кажется, что я что-то забыла. Ты ведь росла со мной с малых лет, расскажи мне всё от начала до конца. Начни прямо с моего рождения, чтобы мне не приходилось самой вспоминать — от мыслей только голова болит.

Услышав, что у Фу Цици болит голова, Сяо Мань тут же заволновалась:

— Хорошо-хорошо, принцесса, не думайте об этом. Разве Имперский лекарь только что не велел вам хорошенько отдохнуть? Сяо Мань сама вам всё расскажет.

Сяо Мань знала, что вернулась их прежняя принцесса, и раз вокруг никого не было, она сменила обращение на собственное имя. Принцесса не любила, когда она и Сяо Цзинцзы называли себя рабынями или слугами.

Фу Цици заметила перемену в выражении лица Сяо Мань, радостно оживилась, выпрямилась и кивнула:

— Угу, угу, Сяо Мань, рассказывай скорее.

— Принцесса, вы — законнорождённая принцесса нашего императора и императрицы, вы с Его Высочеством Наследным принцем родились от одной матери, и оба носите в именах иероглиф Цзюнь. В нашем Государстве Тяньцин только законнорождённые принцы и принцессы могут использовать иероглиф Цзюнь в качестве имени. У вас также есть титул принцессы Чжаоян, а домашнее имя — Сяо Цзю. Когда вы только появились на свет, император и императрица души в вас не чаяли, и даже всегда строгая вдовствующая императрица баловала вас безмерно.

— В детстве вы росли невероятно милой, с самого раннего возраста были озорной и смышлёной, все от вас были в восторге...

Фу Цици слушала этот рассказ с замирающим от скуки сердцем, преодолевая сонливость, дожидаясь, пока Сяо Мань закончит краткую биографию Фу Циньцин. Однако Сяо Мань тщательно избегала упоминаний о том годе, когда тело Фу Циньцин было захвачено чужой душой.

Судя по всему, она вовсе не желала, чтобы та узнала об этом.

Выслушав Сяо Мань до конца, Фу Цици смогла с уверенностью сказать: Сяо Мань знала, что тело Фу Циньцин когда-то было захвачено кем-то другим. Впрочем, иного и не ждали — в конце концов, как преданная служанка, неотступно следовавшая за ней, она просто не могла этого не заметить. Однако сейчас Фу Цици радовалась тому, что у неё такая прекрасная игра: так мастерски изобразить четырнадцатилетнюю девочку, хотя они, кажется, почти ровесницы.

В конце концов, говорят, что между людьми с разницей в три года уже лежит пропасть недопонимания, не говоря уже о том, что они вообще из разных миров. Сама она по сути играла саму себя, так что эта Сяо Мань вовсе не заметила никаких странностей, лишь решив, что Фу Цзюньцин снова вернулась.

Впрочем, нельзя винить служанку за то, что та не раскусила её сразу: неподдельная забота в глазах Сяо Мань была искренней, да и слова её тоже.

К тому же этот мир изначально был вымышлен на страницах книги, здесь возможно абсолютно всё, и местные жители наверняка верят во всякую чертовщину и сверхъестественные силы.

Кроме того, судя по воспоминаниям Фу Цзюньцин, которые та видела ранее, Сяо Мань действительно разбиралась в магии и тайных искусствах — с самого детства. И хотя после того, как Фу Цзюньцин спасла её, она забыла, кем была, что-то, запечатленное глубоко в мозгу с малых лет, всё же осталось в её памяти.

Тогда почему же её никудышный братец за столько времени вообще ничего не заметил? Неужели он забыл захватить с собой голову, когда отправлялся в путь? И как он вообще ухитряется быть главным героем?

Разве главные герои не должны быть мудрыми и доблестными, обладать самым острым умом и видеть насквозь любые тайны?

Или же в этот момент автор ещё не успела всё толком прописать, поэтому у этого никудышного братца ещё нет никакого главного геройского ореола? Хм, похоже, только так это и можно объяснить.

Сяо Мань увидела, что Фу Цици подперла подбородок и погрузилась в задумчивость, и молча отошла в сторону, чтобы принести подогретое лекарство.

Почувствовав запах отвара, Фу Цици нахмурила свои красивые брови, оттолкнула чашку

подальше, тут же бросилась к кровати, забралась под одеяло и закуталась с головой, превратившись в настоящий кокон тутового шелкопряда.

Прячась под одеялом, она глухим голосом произнесла:

— Я сонная, буду спать.

Сяо Мань с укоризненным смешком дернула за край одеяла и принялась уговаривать Фу Цици:

— Ваше Высочество, выпейте лекарство, а я отправлю Сяо Цзинцзы за пределы дворца купить вам сахарные яблочки на палочке.

Фу Цици немного подумала — ей действительно ужасно захотелось сладкого, ведь такие лакомства во дворце наверняка большая редкость.

Тогда она высунула из-под одеяла два белых нежных пальчика и потребовала:

— Две штуки.

Сяо Мань тут же согласилась:

— Хорошо.

Фу Цици вынырнула из-под одеяла с выражением лица человека, готового героически принять смерть, и скомандовала:

— Неси сюда.

Сяо Мань протянула лекарство Фу Цици и вдобавок уточнила:

— Температура самая подходящая.

Фу Цици еще долго собиралась с духом, прежде чем взять чашку и осушить ее до дна. Лекарство оказалось настолько горьким, что она тут же высунула язык. Я больше ни за что не буду пить. Впредь это не решишь двумя засахаренными боярышниками.

Сяо Мань: — Тогда тремя.

Фу Цици: — Ни за что, пятью.

Сяо Мань: — Ладно, слушаюсь вас, только пять — это многовато, для зубов вредно.

Фу Цици повернула голову и свирепо, но по-детски мило зыркнула на Сяо Мань.

Сяо Мань вздохнула: — Ладно, пусть будет по-вашему.

Боясь, что Сяо Мань передумает, Фу Цици подтолкнула её: — Иди быстрее.

— Хорошо-хорошо, принцесса, не толкайте, берегите рану на голове. Ложитесь пока, а служанка живо сходит.

Фу Цици тут же послушно легла и принялась подгонять Сяо Мань.

Стоило Сяо Мань выйти, как Фу Цици растянулась на постели, закинула ногу на ногу и принялась мысленно перебирать только что случившееся.

Она ухватила за ушибленную голову, заявив, что потеряла память, причём амнезия пришлась как раз на последний год.

А затем заставила своего новоприобретённого братца усомниться в том, что все прежние мерзости творила вовсе не Фу Цици.

Заметив, что сегодня Фу Цзюньсин слегка поколебался, Фу Цици поняла: этот трюк сработал, ведь разница между истинной Фу Цици и той самозванкой была слишком разительной.

Значит, дальше нужно чаще мелькать перед глазами братца, а потом ещё немного подлить масла в огонь — и эта рыбка считаай уже на крючке.

Правда это или ложь?

Имперский лекарь Чжан последовал за Фу Цзюньсином в кабинет. Фу Цзюньсин с книгой в руках опустил за рабочий стол, с холодным видом и мрачным взглядом бросил взгляд на Имперского лекаря Чжан, так что тот перепугался и рухнул на колени.

— Его Высочество Наследный принц, не знаю, зачем вы позвали этого ничтожного слугу?

Фу Цзюньсин не позволил Имперскому лекарю Чжан подняться и глухим голосом произнёс: — Принцесса восстановила память не полностью, она потеряла воспоминания за последний год. Что скажешь, Имперский лекарь Чжан?

Услышав это, Имперский лекарь Чжан испугался ещё сильнее и тут же заискивающе застучал лбом о пол: — Его Высочество Наследный принц, кровавые сгустки в голове принцессы ещё не рассослись, амнезия закономерна. Бывает так, что человек не помнит вообще ничего, а бывает — лишь отдельные фрагменты, так что принцесса, должно быть, относится к последним.

Фу Цзюньсин понимал, что добиться от Имперского лекаря Чжан чего-то толкового не выйдет. Он долго молчал, а его нахмуренные брови так и не разгладились.

Хотя перед ним сидел всего лишь юноша, именно этот юноша заставлял стоявшего на коленях Имперского лекаря Чжан бояться даже вздохнуть полнейшей грудью, страшась, что Фу Цзюньсин разгневается и по мановению руки лишит его головы.

В глазах Фу Цзюньсина мелькнула глубокая тень: — Об этом деле никому ни слова. Принцессу тоже не посвящать. Понял?

Имперский лекарь Чжан: — Этот ничтожный слуга повинует.

Фу Цзюньсин: — Ступай.

— Благодарю Его Высочество Наследную принца. — Имперский лекарь Чжан ударил поклоном землю и побежал быстрее зайца.

Фу Цзюньсин взял лист бумаги, вывел несколько иероглифов и засунул в конверт.

— Чжань И.

Фу Цзюньсин лишь бросил зов, как из ниоткуда возник человек в чёрном плаще и маске, скрывавшей всё, кроме пары чернильно-чёрных глаз. Окутанный убийственной аурой, он опустился на колени перед Фу Цзюньсином.

— Подчиненный здесь.

— Найди Государственного наставника и передай ему это письмо. Ему нужно было, чтобы этот пьяница вернулся. Раз уж с Сяо Ци стряслась такая беда, как заимствование трупа для возвращения души, он не обретет покой, пока до конца во всем не разберется.

— Есть.

— И ещё, тщательно расследуй падение принцессы в воду.

— Есть.

Как только Чжань И отступил в тень, вошёл Сяо Аньцзы.

Сяо Аньцзы: — Его Высочество Наследный принц, Сяо Цзинцзы из свиты принцессы передал, что принцесса желает засахаренных боярышников, и отпросился за пределы дворца. Я специально пришёл доложить вам.

Фу Цзюньсин приподнял веки и произнёс: — Знаю, пусть идёт.

— Слушаюсь, этот слуга удаляется.

Как только Сяо Аньцзы ушёл, Фу Цзюньсин взял лежащую на столе книгу, перевернул страницу и холодно приказал: — Отправьте людей следить за ним.

Хотя людей вокруг видно не было, в темноте послышался лёгкий шорох.

Фу Цици проспала до самого вечера. Проснувшись и обнаружив на резном столике две связки засахаренных боярышников, она тут же сбросила одеяло и подбежала к столу.

Отвар из целебных трав был до ужаса горьким, а после сна во рту стало ещё противнее.

Усевшись на табурет по-турецки, Фу Цици сплёвывала косточки от боярышника и в мгновение ока расправилась с целой связкой.

Осталась ещё одна связка. Фу Цици посомневалась, стоит ли её есть, но, вспомнив, что после ужина ей непременно придётся пить лекарство, всё-таки сдержалась.

— Сяо Мань, Сяо Мань! — позвала Фу Цици, повернувшись к двери.

Сяо Мань влетела в комнату с веером в руке, запыхавшаяся и еле переводящая дух.

— Ч-что случилось, принцесса?

Увидев перепуганное лицо Сяо Мань, Фу Цици спросила: — Сяо Мань, ты чем это занимаешься?

Заметив веер в собственной руке, Сяо Мань тут же опустила его и почтительно поклонилась принцессе: — Принцесса, Сяо Мань варит вам вечернее лекарство.

— Ой, неужели в нашем дворе больше нет служанок? Почему ты всё делаешь сама, Сяо Мань?
— Фу Цици надула губки, словно на что-то жалобно жалуясь. Сяо Мань:

— Она-то есть, но доверять варку лекарства кому-то другому я не могу, лучше я сама всё сделаю.

Фу Цици подумала и решила, что та права: в Императорском дворце слишком много людей со скрытыми замыслами, и подсыпать яд в питье здесь — дело привычное.

— Ох, Сяо Мань, а когда мы вернёмся во Дворец Чаоян? У Брата Наследного принца здесь совсем не весело, я хочу обратно, на качелях качаться.

Фу Цици с несчастным видом принялась ковырять пальцы.

— Принцесса, Его Высочество Наследный принц велел вам жить в Восточном дворце, чтобы вы могли спокойно залечить раны. Вот поправитесь, тогда мы и поговорим с Его Высочеством.

Фу Цици поднялась с места:

— Ну ладно тогда, иди вари лекарство, а я ещё посплю.

В кабинете перед Фу Циньсином стоял на коленях мужчина в чёрных одеждах, лицо его по-прежнему скрывала маска.

— Господин, Сяо Цзинцзы купил две связки засахаренных ягод на палочке. От начала и до конца он ни с кем не контактировал и больше никуда не заходил.

— К тому же принцесса съела эти ягоды и осталась очень довольна. Ей досталась ещё одна связка, которую она не тронула, хоть и смотрелась та очень аппетитно, но принцесса терпеливо сдерживалась.

Фу Цзюньсин кивнул и махнул рукой, приказывая скрытому стражу удалиться.

— Подчиненный уходит.

Фу Цзюньсин отложил книгу — читать дальше он уже не мог, в его голове роилось множество вопросов.

Сегодняшнее поведение принцессы шло вразрез с прежним, взбалмошным характером Сяо Ци. Казалось, будто вернулась та, прежняя Сяо Ци.

Если это игра, то неужели она способна так искусно притворяться даже тогда, когда никого нет рядом?

Но после того как характер Сяо Ци круто изменился, она никогда больше не притрагивалась к простой уличной еде.

Если это не два совершенно разных человека, то как её нрав мог измениться столь внезапно, превратившись в полную противоположность?

Неужели Пьяница был прав, когда говорил о заимствовании трупа для возвращения души? Неужели это действительно случилось с Сяо Ци?

Эти вопросы, на которые пока не было ответов, давили ему на грудь и повергали в глубокое уныние.

И всё же...

Если это правда, то неужели его Сяо Ци и впрямь вернулась?

А если нет? Если Сяо Ци сейчас просто страдает амнезией и ничего не помнит из того, что произошло за последний год, то как ему теперь с ней обращаться?

А что, если она притворяется намеренно, чтобы избежать наказания?

Что тогда ему делать?

Фу Цзюньсин отослал всю прислугу и заперся в кабинете.

Аляскинский маламут?

Фу Цици показалось, что она проспала около часа. Когда она проснулась, уже совсем стемнело. Набросив верхнюю одежду, она решила выйти наружу и осмотреться.

Жить Фу Цици теперь предстояло в особом дворе, который Фу Цзюньсин приказал обустроить специально для неё прямо в Восточном дворце. Он назывался Дворец Утун и был ничуть не меньше личных покоев самого Наследного принца, примыкая прямо к ним.

Она толкнула дверь. Двор оказался огромным: здесь нашлось место и для искусственных холмов, и для прудов, и для изысканных пейзажей. Через всю территорию пролежала извилистая водная артерия, усыпанная мостиками, с которых свисали два тусклых фонаря, отбрасывавших желтоватые блики на ночную темноту.

Стоило спуститься по ступенькам на несколько шагов вперёд, как открывалась вымощенная галькой дорожка, ведущая к арочному мосту. По обеим сторонам тропинки пестрели красные ирисы.

Остальное пространство занимали зелёные лужайки, а у самого водного канала раскинулось

раскидистое дерево утун. В его ветвях то и дело пощебечивали птицы. Тихий журчащий плеск воды в сочетании с птичьими трелями звучал необычайно мелодично в тишине наступившей ночи.

Фу Цици вышла на мостик и посмотрела на усыпанное бесчисленными звёздами небо. Вокруг пышной зеленью зеленели деревья и травы. Воздух ещё не успел прогреться, судя по всему, с начала весны прошло совсем немного времени.

Двор был огромным. Обойдя его целиком, Фу Цици встретила нескольких слуг, которые тут же отвешивали ей поклоны. Она неизменно улыбалась и разрешала им не церемониться, однако стоило ей отпустить их, как перепуганные слуги тут же бросались наутёк.

Фу Цици поморщилась. Какой же невыносимой была та фальшивая девчонка, раз при одном её виде люди готовы сломя голову бежать прочь?

Эх, ей ещё только предстоит проделать огромный путь, чтобы исправить всё это.

Тем временем Сяо Мань, закончив варить лекарство и обнаружив пропажу принцессы, чуть не лишилась чувств от страха — во Дворце Утун мгновенно поднялась ужасная суматоха.

Маленький Цзинцзы со всех ног бросился к кабинету Фу Цзюньсина, рухнул на колени у самых дверей и горько заплакал:

— Ваше Высочество Наследный принц, Ваше Высочество Наследный принц! Наша принцесса пропала!

Фу Цзюньсин распахнул дверь, источая ледяной холод. Лицо его было мрачнее тучи, а свирепый взгляд упёрся прямо в Сяо Цзинцзы.

— Ничтожество.

Сяо Цзинцзы уткнулся лбом в каменный пол:

— Прошу прощения, Ваше Высочество! Умоляю, отправьте людей на поиски принцессы! Как только мы её найдём, этот ничтожный раб сам понесёт наказание.

— Эй, за мной! Искать принцессу! — Фу Цзюньсин взмахнул рукавом, обошёл Сяо Цзинцзы и стремительно зашагал прочь.

Сяо Цзинцзы поднялся с колен и поспешил следом за Наследным принцем во Двор Утун.

Весь Восточный дворец стоял на ушах из-за исчезновения Фу Цици, а поисковые отряды вскоре прочесывали уже весь Императорский дворец.

Когда Фу Цзюньсин прибыл во Дворец Утун, двое стражников у ворот рухнули на колени. Не дожидаясь вопросов, они поспешно доложили:

— Ваше Высочество Наследный принц, принцесса не покидала пределы Двора Утун.— Тогда ищите, обыщите весь двор! Если только она не умеет летать, из Двора Утун ей не сбежать. Найдите её и немедленно тащите сюда связанной!

Глаза Фу Цзюньсина покраснели, взгляд был лишён всяких чувств. От него исходила такая жуткая аура, словно он явился прямиком из ада.

Его руки были крепко сжаты в кулаки, а на длинной шее вздулись вены, всем своим видом показывая, что этот человек разъярён до предела.

Фу Цици посмела обмануть его! Притворилась потерявшей память, чтобы усыпить его бдительность и сбежать к этому Ли Хань.

И надо же было ему поверить словам этого Пьяницы!

По его мнению, Фу Цици сама испортилась.

В это время виновница всех бед, Фу Цици, сидела у стены и пялилась на маленького аляскинского маламута — глаза в глаза.

Фу Цици: «Ах... откуда здесь аляскинский маламут? Какая прелесть, хочу себе такого».

Маленький маламут почувствовал, что Фу Цици замышляет что-то недоброе, и сделал пару шагов назад. Его пухленькое тельце прижалось к дворцовой стене. Лишённый возможности отступить, малыш испуганно заскулил и задрожал всем пухлым телом.

Фу Цици никак не ожидала встретить столь редкое животное на страницах этой книги. Впрочем, если подумать, книги пишут люди, так что появление маламута здесь не было удивительным.

Фу Цици протянула руку, желая взять малыша на ручки, но тот сильно испугался. Стоило её пальцам приблизиться, как он заходился лаем и вжимался в стену ещё сильнее, будто пытаясь сквозь неё просочиться.

Боковым зрением Фу Цици заметила на задней лапке малыша пятна крови — похоже, он был ранен.

К тому же кроха ужасно боялся людей, судя по всему, над ним издевались. И надо же было какому-то бездумному чудовищу поднять руку на столь милое создание!

Фу Цици опустилась на землю, протянула руку к самому носу малыша и как можно более мягким, завлекающим голосом произнесла:

— Малыш, не бойся, я тебя не обижу. Ты ранен, давай сестричка посмотрит, хорошо?

Договорив, Фу Цици заметила, что щенок немного расслабился, и подала руку ещё чуть вперёд, собираясь погладить его по голове.

Малыш тут же испуганно взвизгнул, но Фу Цици с улыбкой проговорила:

— Умница, сестричка тебе не навредит, сестричка просто хочет осмотреть твою рану.

Она продолжала успокаивающе смотреть малышу в глаза, а её вторая рука тем временем уже легла ему на макушку и осторожно погладила.

Почувствовав прикосновение к голове, кроха сначала сжался в комочек, но затем словно понял, что Фу Цици не питает к нему злых намерений.

Она гладила его раз за разом, а её движения были лёгкими и нежными.

Прямо как у заботливого старшего брата. Под нежными, мерными поглаживаниями Фу Цици малыш постепенно расслабился и безвольно растянулся на траве.

Фу Цици с улыбкой взяла его на руки, но стоило ей это сделать, как зверек вдруг напрягся всем телом и принялся испуганно вопить и извиваться.

Фу Цици погладила его по шерстке и ласково произнесла: — Тише, малыш, сестрица тебя не обидит.

Зверенок, казалось, понял ее: он и вправду затих и, пока Фу Цици лениво водила по нему рукой, незаметно заснул.

Глядя на спящего малыша, Фу Цици аккуратно смахнула с него прилипшие листья и травинки. Шерстка у зверька была черно-белой, круглая мордочка выглядела забавно и простодушно, ушки торчали треугольниками, а пухлые лапки так и манили потискать — до того приятными на ощупь они казались.

К тому же вокруг глаз зверька залегли черные круги шерсти, словно он носил солнцезащитные очки, что смотрелось весьма комично.

Очистив малыша от мусора, она наконец принялась осматривать его лапку.

В зарослях кустарника он получил лишь царапину, к счастью, не слишком глубокую. Тогда Фу Цици оторвала лоскут от собственной одежды и аккуратно перевязала рану.

Невольно оставалось только порадоваться, как легко рвутся древние одежды — теперь стало понятно, почему в телесериалах герои чуть что пускали на тряпки свои наряды.

Вдобавок, осматривая лапку, она заметила под шерсткой зверька множество синяков, похожих на следы от чьих-то жестоких щипков.

— И надо же было кому-то проявить такую бессердечность, избивая бедняжку, — с жалостью пробормотала она себе под нос.

Закончив с делами и собираясь уже подняться на ноги, Фу Цици услышала сверху низкий, но невероятно мягкий голос:

— Сяо Ци, на земле холодно, вставай скорее.

Фу Цици резко подняла голову. Юноша стоял перед ней во весь рост в темных одеждах; с этого ракурса она могла разглядеть лишь его точеный подбородок. Мягкий лунный свет падал на лицо юноши, придавая его обычно прохладным чертам нежное сияние. Фу Цици видела, с какой бесконечной нежностью он смотрит на нее, а уголки его губ тронула избаловывающая улыбка.

В его взгляде, обращенном к сидящей на земле сестре, читался одновременно упрек и неизбывная забота.

Фу Цици сладко улыбнулась, обнажив ряд ровных белых зубов.

— Братец, а ты когда пришел? — она понятия не имела, сколько именно этот новоявленный братец простоял здесь и что успел увидеть. Впрочем, если он застал ее за этим занятием — разве это не шло ей на пользу?

<http://bllate.org/book/20964/2127401>